

ЕПИСКОПЪ СИМБИРСКІЙ ЕВГЕНІЙ *.

Евгеній, бывшій епископъ Симбирскій, въ мѣрѣ Макарій Димитріевичъ Сахаровъ-Платоновъ, родился въ 1813 г. въ селѣ Уренѣ, Варнавинскаго у. Костромской г., гдѣ отецъ его, Дмитрій Вакховичъ, былъ причетникомъ. Еще въ младенчествѣ лишившись родителей, онъ выросъ на попеченіи старшихъ своихъ сестры и брата, бѣднаго причетника, который помѣстилъ его въ Макарьевское духовное училище, когда ему было 10 лѣтъ отъ роду. Пресвященный часто съ особенною любовью вспоминалъ объ этихъ дорогихъ ему лицахъ, т. е. о сестрѣ, братѣ и еще о женѣ послѣдняго, и бережно хранилъ холщевый кошелекъ, который съ послѣднимъ вложеніемъ далъ ему братъ, отправляя его въ Костромскую семинарію, куда онъ перешелъ первымъ ученикомъ. Въ 1834 г. первымъ же воспитанникомъ поступилъ онъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ, по возобновленіи содержанія студентовъ на счетъ стипендій митрополита Платона, какъ лучшій изъ студентовъ во всѣхъ отношеніяхъ, и былъ избранъ и утвержденъ митрополитомъ Филаретомъ въ первые стипендіаты, съ присоединеніемъ имени „Платонова“ (С. К. Смирнова, Исторія М. Д. Академіи, стр. 237) 29 Августа 1838 г., окончивъ курсъ въ Академіи со степенью магистра богословскихъ наукъ, „при способностяхъ отличныхъ, прилежаніи неослабномъ и поведеніи примѣрно-добромъ“, какъ значится въ академическомъ аттестатѣ, онъ принялъ монашество съ именемъ Евгенія.

Новопостриженный инокъ, первый въ своемъ курсѣ магистръ, былъ оставленъ при Академіи сначала на кафедрѣ герменевтики и библейской археологіи, а въ 1841 г. ему было поручено преподаваніе только что введеннаго тогда въ Академіи предмета—патристики, и потомъ онъ перемѣщенъ былъ на классъ св. Писанія, что продолжалось до 1847 года. Патристику онъ поставилъ такъ хорошо и твердо, что составленные имъ по этому предмету лекціи долго и послѣ того служили руководствомъ въ Академіи (С. К. Смирнова, Исторія М. Д. Акад. стр. 43—44) Митр. Филаретъ съ особенной любовью относился къ о. Евгенію и на столько цѣнилъ его таланты и труды, что иногда какъ-бы грудью защищалъ его. Такъ въ 1842 году оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Протасовъ намѣтилъ было Евгенія для Константинопольской миссіи; но Филаретъ энергично возсталъ противъ этого назначенія и убѣдительно доказывалъ графу необходимость оставить о. Евгенія при Академіи. „Много монаховъ ученыхъ, писалъ онъ графу Протасову, но немного способныхъ, и не каждаго монаха можно рекомендовать для Академіи“. (При-

*) См. выше, стр. 161—176, письма къ нему Московскаго митрополита Филарета.

бавл. къ Твореніямъ Св. Отець 1883 г., XXXI, 262). Во второй половинѣ того же года въ своемъ отчетѣ Св. Синоду по ревизіи Московской Духовной Академіи, при письмѣ на имя оберъ-прокурора отъ 27 Іюля, Филаретъ далъ такой отзывъ объ іеромонахѣ Евгеніи: „Преподаетъ съ ревностнымъ усердіемъ, основательностью и успѣхомъ, поведенія добраго и честнаго“ (Собран. мнѣній и отзывовъ Филарета. т. дополнит., стр. 118, Спб. 1887).

Въ Сентябрѣ того же 1842 года Евгеній былъ назначенъ инспекторомъ Академіи. По рассказамъ одного изъ находящагося въ живыхъ (въ Симбирскѣ) ученика его, это назначеніе было восторженно встрѣчено студентами, и оффиціальная объ этомъ назначеніи бумага была торжественно прочитана въ собраніи студентовъ, что объясняется той отеческой любовью и вниманіемъ, съ которыми о. Евгеній всегда относился къ своимъ ученикамъ. Будучи инспекторомъ, прибавляетъ рассказчикъ, о. Евгеній во время вечернихъ занятій студентовъ очень часто приходилъ въ занимаемыя ими комнаты, спрашивалъ, кто чѣмъ занимается, о чемъ пишетъ, есть ли у него пособія, и объяснялъ все, что онъ зналъ по тому или другому предмету.

Въ Февралѣ 1843 года о. Евгеній былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Поднимаясь быстро по ступенямъ духовно-учебной службы, онъ всей душой принадлежалъ Академіи и почти все свое время употреблялъ на составленіе лекцій, которыя, какъ рассказываютъ, ловились его слушателями на лету. Слабому здоровью о. Евгенію особенно трудно было возвышать голосъ при чтеніи лекцій въ аудиторіи; но студенты такъ дорожили каждымъ его словомъ, что соблюдали при его чтеніи полнѣйшую тишину, какъ бы затаявая дыханіе. Лекціи его отличались ясностью излагаемаго предмета, строгою обдуманностью и точностью выраженій. Съ особеннымъ усердіемъ изучалъ онъ Творенія Св. Отець и неуклонно слѣдовалъ ихъ руководству. Плодами такихъ занятій о. Евгенія служатъ его прекрасныя и основательныя статьи, напечатанныя въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отець; таковы: „Св. Ириней епископъ Ліонскій“ (ч. I. Прибав.) „О любящихъ Бога“ (ч. III), „Оброцы грѣха смерть“ (ч. XIII), „О преобразовательномъ смыслѣ Св. Писанія“ (ч. IV) и др.

Въ 1847 году о. Евгеній былъ назначенъ ректоромъ Визанской Семинаріи, а черезъ нѣсколько дней настоятелемъ Московскаго Златоустовскаго монастыря.

Въ 1849 г. онъ былъ переведенъ на должность ректора въ Московскую Семинарію и назначенъ настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря, гдѣ его еще ближе узналъ митрополитъ Филаретъ. Нижеслѣдующіе случаи показываютъ какъ понималъ и цѣнилъ Евгенія святитель Московскій. Когда въ 1850 г., по высочайшему повелѣнію, отъ митрополита Московскаго требовали аттестовать личный составъ настоятелей Московскихъ монастырей, то Филаретъ не усумнился поставить Евгенія первымъ въ ряду другихъ Московскихъ архимандритовъ-настоятелей, которые „при доброй монашеской жизни, какъ прежде усматриваемы были попечительными о благоустройствѣ ввѣренныхъ имъ монастырей и внимательными въ надзорѣ за братствами, такъ и впередъ усматриваются для сего благонадежными“. (Собран. мнѣній и отзыв. Филарета,

т. III, 396. Спб.) Возникло тогда предположеніе назначить его на должность ректора Казанской Духовной Академіи. По этому поводу митрополитъ Филаретъ частно писалъ къ искреннему другу своему Казанскому архіерею Григорію: „Ректоръ Московской семинаріи Евгеній, человѣкъ честный и добрый, основательный въ познаніяхъ, тихаго характера и голоса. Для своихъ хорошъ, не блистательный для вѣншихъ. Мнѣ было бы желательно, чтобы онъ продолжалъ службу у насъ; но если ему открывается путь къ высшему доврѣю начальства, да будетъ то, что служить къ общей пользѣ и ему можетъ быть полезно для дальнѣйшей службы. Только если возьмете его, будьте милостивы къ нему, что не всегда случается съ взимаемыми отъ насъ“. (Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовн. Просвѣщенія 1877 г. III, 168). Однако все устроилось такъ, какъ писалъ Филаретъ, и затѣмъ въ Августѣ 1853 г., какъ только открылась должность ректора въ Московск. Академіи, первымъ кандидатомъ на нее Филаретъ представилъ о. Евгенія. Такъ и сдѣлано было, какъ представлялъ Филаретъ.

Въ бытность свою ректоромъ, какъ и раньше инспекторомъ Академіи. о. Евгеній отличался добрыми качествами ума и сердца, за которыя его любили и не могли не любить и не уважать всѣ. Въ Академіи хранятся живыя преданія о глубокомъ его умѣ, разсудительности, крайней осторожности и т. п. и о величайшей добротѣ, милосердіи къ нищимъ, о дивномъ его смиреніи, о строго-аскетическомъ образѣ жизни и т. д. Его отношеніе къ подчиненнымъ и студентамъ было основано на строгихъ началахъ справедливости и вмѣстѣ отеческой любви.

Въ Октябрѣ 1857 г. состоялось назначеніе Евгенія во епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, а въ 1858 году преосвященному Евгенію была дана самостоятельная кафедра—Симбирская. Разсказываютъ, что Филаретъ, участвовавшій въ назначеніи своего викарія Евгенія на Симбирскую кафедру, говорилъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ: „посылаю въ Симбирскъ ангела мирна“. И дѣйствительно, въ продолженіе 16-ти-лѣтняго управленія Симбирскою епархіей, Евгеній явилъ собою по истинѣ „правило вѣры и образъ кротости, воздержанія учителя“, примѣръ высокаго смиренія и нищеты, какъ духовной такъ и тѣлесной, соединенной съ величайшимъ милосердіемъ къ нищимъ, благодаря чему, не смотря на довольно значительные доходы отъ епархіи, у него никогда не бывало сбереженій.

Надобно замѣтить, что при высокомъ устроеніи своего духа Евгеній не чувствовалъ себя сильнымъ администраторомъ и былъ преимущественно кабинетнымъ труженикомъ. Поступавшія къ нему бумаги онъ разсматривалъ, правда, не довольно скоро, но весьма внимательно, и поэтому всѣ резолюціи его запечатлѣны обдуманностью и дальновидностью. Вообще же его управленіе епархіей было весьма полезно для паствы. Онъ твердо стоялъ за благо духовенства и, испытавъ на себѣ невзгоды бѣдности и сиротства, особенно заботился объ участи вдовъ и сиротствующихъ дѣтей духовенства, оказывая имъ помощь какъ изъ средствъ епархіи, такъ и изъ собственныхъ. Евгеній поучалъ свою паству не столько словомъ, сколько примѣромъ своей благочестивой жизни. Это былъ по истинѣ свѣтильникъ добродѣтелей, съ вы-

соты свѣтливѣйшій многочлсвенной наставѣ. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени набожный и смиренный, проводилъ жизнь уединеннаго подвижника, искренно любилъ дѣтей, что и обнаруживалъ прежде всего въ заботахъ о своихъ пѣвчихъ мальчижахъ, за которыми слѣдилъ самъ и для которыхъ держалъ даже особаго учителя.

Слабое его здоровье между тѣмъ давало себя знать, и множество дѣлъ по управленію епархіей стало сильно утомлять его, особенно при вышесказанномъ настроеніи его духа. Все это побуждало его оставить епархіальную службу и просить увольненія на покой, и 7 Декабря 1874 г., согласно прошенію, онъ былъ уволенъ отъ управленія епархіею на покой. Для жительства ему предоставляли Сызранскій Вознесенскій первоклассный монастырь; но онъ не воспользовался этимъ предложеніемъ и предпочелъ остаться въ приписномъ къ архіерейскому дому Симбирскомъ Покровскомъ монастырѣ. Выборъ именно этого мѣста объясняется любовью преосвященнаго къ своей бывшей паствѣ и отсутствіемъ у него стремленія къ какимъ бы то ни было удобствамъ жизни. Въ бѣдной Покровской обители преосвященный занималъ небольшое помѣщеніе изъ двухъ комнатъ, въ общемъ братскомъ корпусѣ. Прямо передъ окнами кельи, гдѣ онъ прожилъ почти 14 лѣтъ, возвышается монастырская церковь, на которую и обращены были его молитвенные взоры. Во все это время преосвященный велъ жизнь строгаго аскета, отказывая себѣ часто даже въ необходимомъ и употребляя въ весьма маломъ количествѣ самую простую пищу.

Будучи еще въ силахъ, преосвященный часто посѣщалъ церковныя службы и колѣнопреклоненный молился въ алтарь. У себя въ кельѣ большую часть времени онъ также молился, при чемъ утреннія и вечернія молитвы не читалъ, а пѣлъ; ходя по комнатѣ постоянно повторялъ слова: „Господи помилуй!“

Въ послѣднее время преосвященный наложилъ на себя какъ бы обѣтъ молчанія, и хотя изрѣдка принималъ приходившихъ за совѣтомъ къ нему, но мало разговаривалъ; затѣмъ пересталъ совсѣмъ принимать къ себѣ и отдалялся весь самосозерцацію.

Жизнь преосвященнаго угасала медленно. За нѣсколько дней до смерти у него отнялась правая сторона тѣла, отчасти и языкъ. Въ послѣднюю ночь на 26 Іюня 1888 г. онъ долго молился и передъ иконами, и на церковь; рано утромъ умылся, надѣлъ чистое бѣлье и, принявъ Богоявленской воды, съ молитвой на устахъ легъ на койку своего прислужника; когда же силы стали ослабѣвать, онъ попросилъ позвать священника и, по прочтеніи отходной, сдѣлалъ нѣсколько вздоховъ и тихо скончался.

Какъ только узнали въ городѣ о кончинѣ преосвященнаго, толпы народа потянулись къ Покровскому монастырю, чтобы поклониться усопшему, котораго еще при жизни его считали святымъ. 27 Іюня его тѣло было перенесено съ крестнымъ ходомъ отъ всѣхъ церквей Симбирска въ лѣтній каѳедральный соборъ, куда непрерывно входили на поклоненіе люди всѣхъ сословій. Погребеніе происходило 29 Іюня при участіи всего города и множества народа не только изъ окрестныхъ, но и изъ дальнихъ селеній.